

Содержание

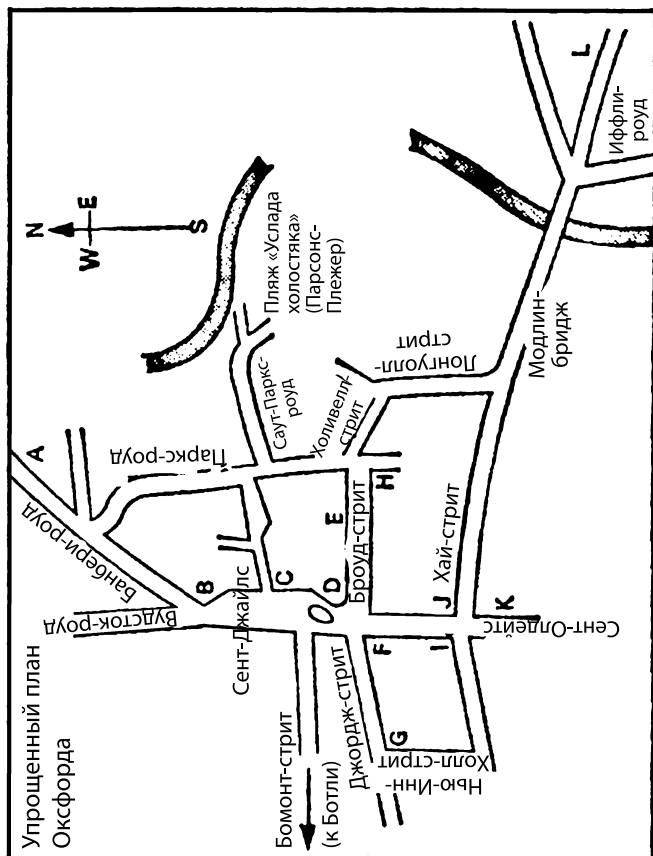
Глава 1. СЛУЧАЙ С ПРАЗДНОШАТАЮЩИМСЯ ПОЭТОМ.....	5
Глава 2. СЛУЧАЙ С НЕРЕШИТЕЛЬНЫМ ДОНОМ.....	32
Глава 3. СЛУЧАЙ С ЧЕСТНЫМ СТЯПЧИМ.....	51
Глава 4. СЛУЧАЙ С НЕГОДУЮЩИМ ДЖЕЙНИСТОМ...	75
Глава 5. СЛУЧАЙ С БЕСПЛОТНЫМ СВИДЕТЕЛЕМ	103
Глава 6. СЛУЧАЙ С ДОСТОЙНЫМ ВОЗНИЧИМ	123
Глава 7. СЛУЧАЙ С ХОРОШЕНЬКОЙ МОЛОДОЙ ЛЕДИ.....	147
Глава 8. СЛУЧАЙ С ЭКСЦЕНТРИЧНОЙ МИЛЛИОНЕРШЕЙ	165
Глава 9. СЛУЧАЙ С НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫМ МЕДИУМОМ.....	189
Глава 10. СЛУЧАЙ С ПРЕРВАННЫМ СЕМИНАРОМ ...	210
Глава 11. СЛУЧАЙ С НЕРВНЫМ ВРАЧОМ	234
Глава 12. НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО	261
Глава 13. СЛУЧАЙ С ВРАЩАЮЩИМСЯ ПРОФЕССОРОМ	286
Глава 14. СЛУЧАЙ С САТИРИКОМ-ПРОВИДЦЕМ	310

Не всяк пестрый праздник живых
Сравнится со зрелищем смерти.

Ч. Уэсли. Узрев мертвое тело¹

*Филипу Ларкину в знак
дружбы и уважения*

¹ Уэсли Ч. (1707–1788) — основатель методистского течения богословия внутри Англиканской церкви, после его смерти ставшего отдельным религиозным направлением, поэт, автор религиозных гимнов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

А. Магазин игрушек (второе местоположение); В. Сент-Кристоферс-колледж; С. Сент-Джонс-колледж; D. Баллиоль-колледж; Е. Тринити-колледж; F. Леннокс-колледж; G. «Булава и Скипетр»; H. Шелдоновский театр; I. Контора Россетера; J. Рынок; K. Полицейский участок; L. Магазин игрушек (первое местоположение)

Глава 1

СЛУЧАЙ С ПРАЗДНОШАТАЮЩИМСЯ ПОЭТОМ

Ричард Кадоган поднял револьвер, тщательно прицелился и спустил курок. Оглушительный звук выстрела заполнил маленький сад и, как расширяющиеся круги от камешка, брошенного в воду, разошелся постепенно затихающим шумом в пригороде, носящем название Сент-Джонс-Вуд. С черных деревьев, чьи листья переливались коричневыми и золотыми красками в лучах заходящего солнца, поднялись стайки вспугнутых птиц. Вдалеке залаяла собака. Ричард Кадоган подошел к мишени и изучил ее с разочарованным видом. На ней не было никаких отметин.

— Я промахнулся, — произнес он задумчиво. — Подумать только!

Мистер Споуд, представляющий издательство изысканной литературы «Споуд, Натлинг и Орлик», позвенел монетками в кармане брюк — надо полагать, для привлечения внимания.

— Пять процентов с первой тысячи, — сказал он. — Семь с половиной процентов со второй тысячи. Нам не продать больше. Аванса не будет, — он неуверенно кашлянул.

Кадоган вернулся на прежнее место, рассматривая револьвер, слегка нахмурившись.

— Не надо было целиться, конечно. Нужно стрелять от бедра, — произнес он. Наш герой был худ, с острыми чертами лица, надменно изогнутыми бровями и суровыми темными глазами. Но эта внешность, которая больше бы пристала кальвинисту, была обманчива, на самом деле это был дружелюбный, непритязательный, романтический человек.

— Это ведь вас устроит? — продолжал мистер Споуд. — Обычное дело. — Он опять нервно кашлянул. Мистер Споуд ненавидел разговоры о деньгах.

Согнувшись пополам, Кадоган уставился в книгу, лежавшую на сухой чахлой траве у его ног.

— «При стрельбе из пистолета, — провозгласил он, — стрелок всегда смотрит на предмет, в который целится, а не на пистолет». Нет, я хочу аванс. Пятьдесят фунтов по меньшей мере.

— С чего это вы так помешались на пистолетах?

Кадоган выпрямился со слабым вздохом. Он ощущал тяжесть каждого месяца своих прожитых тридцати семи лет.

— Послушайте! — воскликнул он. — Давайте-ка лучше будем с вами оба говорить о чем-то одном. Мы же не в пьесе Чехова. Кроме того, вы уклоняетесь от ответа. Я спрашивал об авансе за книгу — пятьдесят фунтов.

— Но Натлинг... и Орлик... — мистер Споуд беспомощно развел руками.

— И Натлинг, и Орлик — личности вымышленные от начала до конца, — Ричард Кадоган был тверд. — Это козлы отпущения, которых вы выдумали в оправдание собственной скупости и филистерства. Перед вами стоит один из трех наиболее известных, увенчанных всеобщим признанием ныне живущих поэтов, обо мне написаны три книги (все ужасны, но это не имеет значения), мне поют длинные дифирамбы во всех работах по литературе двадцатого века...

— Да, да, — поднял руку мистер Споуд, как будто хотел остановить автобус. — Конечно, вы чрезвычайно известны. Да, — он опять нервно кашлянул. — Но это не значит, что многие покупают ваши книги. Публика довольно-таки некультурна, а наша фирма не так богата, чтобы позволить себе...

— Я собираюсь в отпуск, и мне нужны деньги. — Кадоган отмахнулся от кружившего вокруг его головы комара.

— Да, конечно. Но, думается, еще немного текстов для танцевальных песенок, и...

— Позвольте мне доложить вам, мой дорогой Эрвин, — здесь Кадоган назидательно побарабанил пальцами по груди издателя, — что я застрял на два месяца, придумывая слова танцевальных песенок, потому что не мог подобрать рифму к «британский».

— «Хулиганский», — робко предложил мистер Споуд.

Кадоган смерил его презрительным взглядом.

— Не говоря уже о том, — продолжал он гнуть свою линию, — что мне осточертело зарабатывать

на жизнь текстами песенок. Быть может, мне и следует служить опорой старику-издателю, — он опять побарабанил пальцами по груди мистера Споуда, — но всему есть предел.

Мистер Споуд обтер лицо носовым платком. Его профиль представлял собой почти идеальный полукруг: высокий покатый лоб незаметно сливался с лысой головой, нос загибался внутрь наподобие крючка, а подбородок, слабый и безвольный, утопал в шее.

— Может быть, — отважился он, — двадцать пять фунтов?..

— Двадцать пять фунтов! Двадцать пять фунтов! — Кадоган угрожающе помахал револьвером. — О каком отдыхе может идти речь при наличии лишь двадцати пяти фунтов? Я начинаю прокисать, мой дорогой Эрвин. Мне до смерти надоел Сент-Джонс-Вуд. У меня нет свежих идей. Мне необходимо переменить место — новые люди, впечатления, щекочущие нервы приключения. Как поздний Вордсворт¹, я живу на свой духовный капитал.

— Поздний Вордсворт, — хихикнул мистер Споуд и тут же осекся, заподозрив, что совершил бестактность.

Но Кадоган продолжал гнуть свою линию, не смотря ни на что:

— В сущности, я жажду романтики. Вот почему я учусь стрелять из револьвера. И вот почему мне,

¹ Вордсворт У. (1770–1850) — английский поэт-романтик, представитель так называемой «озерной школы».

скорей всего, придется из него вас застрелить, если вы не дадите мне пятьдесят фунтов.

Мистер Споуд опасливо отступил назад. Кадоган продолжал:

— Я веду растительный образ жизни. Я преждевременно старею. Сами боги состарились, когда у них отняли Фрейю и некому стало ухаживать за золотыми яблоками¹. Вы, мой дорогой Эрвин, должны были бы финансировать мне роскошные каникулы, вместо того чтобы мелочно препираться по поводу каких-то пятидесяти фунтов.

— Может быть, вы хотели бы провести со мной несколько дней в Кэкстонс-Фолли?

— А вы можете предоставить мне приключения, восторг, очаровательных женщин?

— Что за фантазии из плутовского романа, — сказал мистер Споуд. — Разве что мою жену... — Он, похоже, был бы не прочь пожертвовать своей женой ради возрождения к жизни выдающегося поэта, да и ради чего угодно и кого угодно еще, если на то пошло. Эlsi временами бывала крайне утомительна. — Кроме того, — продолжал он с надеждой, — есть еще эта поездка с лекциями в Америку...

— Я уже говорил вам, Эрвин, чтобы вы не заикались об этом снова. Я не могу читать лекции ни в коем случае, — с этими словами Кадоган стал

¹ Отсылка к опере Р. Вагнера «Золото Рейна». Фрейя — в германском пантеоне богиня юности и красоты. Золотые яблоки, которые она растит, способны вернуть молодость. По вагнеровскому сюжету, Фрейю силой уводят у богов великаны Фафнер и Фазолт, надеясь получить за нее выкуп.

широкими шагами ходить по лужайке. Мистер Споуд с грустью заметил небольшую проплеши-ну в его коротко стриженных темных волосах. — У меня нет желания читать лекции. Я отказываюсь читать лекции. К чему мне Америка, когда меня тянет в Пуатем¹ или Логрес²? Повторяю: я старею и теряю свежесть восприятия. Я стал расчетлив. Я проявляю осмотрительность. Сегодня утром я поймал себя на том, что плачу по счету, как только он пришел. Всему этому надо положить конец. Будь на дворе другая эпоха, я бы пожирал сердца младенцев, только что вырванные из груди, лишь бы вернуть мою утраченную юность. А в наше время, — остановившись рядом с мистером Споудом, он хлопнул его по спине с таким энтузиазмом, что сей несчастный чуть не уткнулся носом в землю, — мне остается отправиться в Оксфорд.

— Оксфорд? Ах! — мистер Споуд вздохнул с облегчением. Он обрадовался этой временной передышке в приводящих его в замешательство деловых требованиях. — Очень хорошая идея. Я иногда жалею о том, что перевел свой бизнес в город, даже спустя год. Невозможно прожить там столько, сколько прожил я, и не испытывать порой ностальгии.

Он самодовольно похлопал себя по довольно кричащему жилету оттенка «лиловая петуния», об-

¹ Пуатем — вымышленная местность на юге Франции (из романов в жанре фэнтези американского писателя Дж. Б. Кейбелла (1879–1958), составляющих цикл «Сказание о Мануэле»).

² Логрес — легендарное царство короля Артура.

тягивающему его маленькую пухленькую фигурку, как будто это чувство каким-то образом делало ему честь.

— Еще бы вам ее не испытывать, — аристократические черты Кадогана исказила суровая гримаса, — «Оксфорд, ты — цвет всех городов»¹. Или это был Лондон? Впрочем, какая разница.

Мистер Споуд нерешительно почесал кончик носа.

— Оксфорд, — продолжал нараспев Кадоган, — «град шпилей дремлющих»², кукования кукушки, отзывающегося эхом, город колоколов в великом изобилие (так что иной раз и сосредоточиться трудновато), зачарованный жаворонками, опутанный сетями грачиных стай, опоясанный реками. Вы когда-нибудь задумывались, насколько гений Хопкинса³ заключался в расстановке предметов в неправильном порядке? «Оксфорд — питомник юности цветущей»⁴. Нет, это был Кембридж, но все равно. Конечно, — Кадоган наставительно помахал

¹ Искаженная цитата из стихотворения шотландского поэта эпохи Возрождения У. Данбара (1465–1530) «Ко граду Лондону» — «Лондон, ты — цвет всех городов...».

² Эпитет «град дремлющих шпилей» принадлежит викторианскому поэту М. Арнольду (1822–1888), назвавшему так Оксфорд в своей элегии «Тирсис».

³ «...Кукования кукушки» — развернутый пересказ строки из стихотворения Дж. М. Хопкинса «Оксфорд Дунса Скотта». Поэзии Хопкинса свойствен сложный синтаксис и необычный порядок слов.

⁴ Стихотворение «Оксфорд, 30 мая 1820 года» У. Вордсворта открывается строкой: «О ты, святой питомник юности цветущей».

револьвером перед носом перепуганного мистера Споуда, — я терпеть не мог этот город, когда был студентом: я считал его убогим, инфантильным, ограниченным и незрелым. Но я забуду об этом. Я вернусь с глазами, блестящими ностальгической слезой, и с восторженно разинутым ртом. И для всего этого, — его голос прозвучал осуждающе, — мне понадобятся деньги. — Сердце мистера Споуда екнуло. — Пятьдесят фунтов.

Мистер Споуд кашлянул:

— По правде говоря, я не представляю...

— Так насыдьте на Натлинга, отфутбольте Орлика, — с жаром произнес Кадоган. Он схватил мистера Споуда за руку. — Зайдемте-ка, обсудим это за выпивкой, чтобы успокоить нервишки. Бог ты мой! Я упакую багаж, сяду в поезд и снова приеду в Оксфорд...

И они это обсудили. Мистер Споуд был довольно-таки восприимчив к алкоголю, а кроме того, он не любил спорить о деньгах. Когда наконец он вышел, на корешке его чековой книжки значилась сумма в пятьдесят фунтов на предъявителя Ричарда Кадогана, эсквайра. Итак, поэт одержал победу в этом деле, что, впрочем, любой лишенный предрассудков сторонний наблюдатель мог бы предвидеть с самого начала.

Расставшись с издателем, Кадоган побросал несколько вещей в чемоданчик, отдал ряд строгих распоряжений своему слуге и немедленно отправился в Оксфорд, несмотря на то, что было уже половина девятого вечера. Так как ему не по карману

было содержать машину, то он доехал до вокзала Паддингтон на метро и, проглотив в баре несколько пинт пива, уселся в поезд в направлении Оксфорда. Его не смущало, что поезд не был скорым. Он был счастлив уже потому, что на некоторое время убегает от беспокойного и омерзительного ощущения внезапного наступления среднего возраста, опостылевшей жизни в Сент-Джонс-Вуд, от скуки литературных вечеринок и пустой болтовни знакомых. Несмотря на свою литературную славу, он вел одинокое и, как ему казалось иногда, «бесчувственное» существование. Разумеется, он не был столь уж большим оптимистом, чтобы верить в самой глубине души, что эти каникулы, их удовольствия и неприятности будут в корне отличаться от тех, которые он испытывал и прежде. Но ему было приятно убедиться, что он, оказывается, не так глубоко погряз в благоразумии и разочарованности жизнью, чтобы стать совершенно невосприимчивым к сладким соблазнам перемен и новизны. Фэнд¹ все еще манила его из белых гребешков океанской пены, за далекими горами все еще благоухали розовые сады гесперид, и девы-цветы пели в зачарованном саду Клингзора². Он весело засмеялся, вызвав насторо-

¹ Фэнд — древнеирландская богиня моря.

² Злой волшебник Клингзор — персонаж оперы Р. Вагнера «Парсифаль». Клингзор не был принят в число рыцарей, охраняющих священный Грааль. По воле отвергнутого Клингзора близ замка рыцарей Грааля выросли волшебные сады, населенные девами-цветами, которые должны были манить своими чарами рыцарей.